

КИРИЛЛ КАЗАНЦЕВ

И свинцовое сердце умеет страдать

**Разбитая
ЖИЗНЬ**

Казанцев. Любовь в законе

Кирилл Казанцев

Разбитая жизнь

«ЭКСМО»

2013

Казанцев К.

Разбитая жизнь / К. Казанцев — «Эксмо», 2013 — (Казанцев. Любовь в законе)

ISBN 978-5-699-67410-7

Небольшой сибирский городок облетела страшная новость: в лесу были зверски убиты шесть участников экспедиции: два журналиста и четверо ученых. По горячим следам удалось задержать главного подозреваемого – лесника Андрея Островского. На допросах Андрей категорически отрицал свою причастность к преступлению, однако следователям удалось найти неопровержимые доказательства его вины. По всему выходило, что Островский совершил страшное преступление из ревности: один из участников экспедиции был любовником его девушки. Андрея осудили на пожизненный срок, однако он так и не раскаялся в содеянном. С маниакальным упорством он продолжал твердить о своей невинности и о том, что его подставили...

ISBN 978-5-699-67410-7

© Казанцев К., 2013

© Эксмо, 2013

Кирилл Казанцев

Разбитая жизнь

Кто ищет, вынужден блуждать.

И. Гете. «Фауст»

Потрепанная полицейская машина прикорнула к обочине у въезда в райцентр. Фары освещали кое-где заасфальтированную проезжую часть и молодые елочки за обочиной. Экипаж занимался своими делами: водитель подремывал за баранкой, коллеги курили, прислонившись к капоту. Беседа не клеилась, от постоянного курения уже тошнило. Смена только начиналась, впереди были долгие часы до рассвета. Мрак накрыл сибирскую тайгу, вечер был теплый, дул порывистый ветерок. Фонарей на этой трассе никогда не было, фары освещали лишь участок дороги до ближайшего поворота.

– Скукота, – вздохнул сержант, пристраиваясь к капоту другим боком. – Так и будем всю жизнь в этой дыре ковыряться. Слушай, Колян, разбуди этого соню, – встрепенулся он. – Не могу смотреть: мы тут службу тащим, а он на массу давит.

– Пусть поспит, – ухмыльнулся коллега. – Гулька-кадровичка перед сменой к нашему Антохину заходила. Теперь он никакой. Уработала мужика. Чуть не сломала ему это самое... приспособление.

– Гулька-кадровичка, говоришь... – задумчиво протянул сержант. – Вроде и неплохо, а вроде и зачем? Ты днем ее видел? Страсть господня – не баба. С такими только в лес ходить, чтобы медведи не расслаблялись.

– А может, ему нравится? – возразил Колян. – Может, у нее душа?

– Видел я эту душу, – фыркнул сержант, – когда она девчонок из отдела кадров строила. Большая душа, это точно. – Он глянул на светящиеся стрелки часов и уныло констатировал: – Полночь близится. Ау, люди... Ладно, стоим до двенадцати, будим этого гиганта и меняем дислокацию. Как насчет общаги на Путепроводной? Там, конечно, кунсткамера, но встречаются и вполне терпимые экземпляры. Вечеринка у них сегодня по поводу обретения долгожданной зарплаты. Обязательно будут нарушения правопорядка. – Сержант выразительно подмигнул и принялся напевать под нос: – Сегодня в нашей комплексной бригаде прошел слушок о бале-маскараде...

Беседа переключилась на особенности поиска сексуальных партнерш в заповедных уголках родины. Работники районной полиции настолько увлеклись любимым делом, что не заметили, как из-за поворота выскочил небольшой, но проходимый джип и помчался к райцентру. Водитель поздно заметил полицейских, завизжали тормоза. Машина встала и резко подалась обратно. Пролетела, виляя задом, метров двадцать и снова встала. Из салона выскочили двое.

– Господи, полиция! – вскричала женщина. – Не может быть! Их же днем с огнем не сыщешь! – И двое направились через дорогу к патрульному «УАЗу».

– Вспышка слева, – пошутил Колян, отстегивая от пояса фонарь. – Берегись, Серега, это вампиры!

Но ночным автомобилистам было не до шуток – обоих что-то терзало. Очнулся водитель, недовольно ругнулся. Свет от фонаря озарил взволнованные фигуры: хорошо одетый мужчина немного за сорок, широкая в кости, но фигуристая женщина – чуть меньше сорока. Они дрожали от возбуждения, женщина сжимала за локоть мужчину, словно чего-то боялась.

– Послушайте, – смущаясь, забубнил мужчина, – мы ехали от друзей в поселок Вешняки, где проживаем с супругой. Мы считаем, что столкнулись с маньяком, которого вы месяц не можете поймать... с тем, который похищает маленьких девочек... Вышли из поворота – разогнались, каюсь... А он дорогу перебежал с мешком, а из мешка ноги торчали... Господи, мы чуть не сбили его, это лицо было перед нами. Ну, как ваше...

– Страшно-то как... – стучала зубами женщина, – ей-богу, фильм ужасов.

– А ну, успокойтесь, граждане! – перебил сержант, отобрал у коллеги фонарь и самостоятельно осветил прибывших. – Вы пьяны? – принялся он. – Управляем машиной в состоянии алкогольного опьянения?

– Ну какой вы бестолковый! – вскричал мужчина. – Да, мы в гостях немного выпили вина, но разве дело в этом? Мы же не знали, что увидим такое. Послушайте, нет времени разбираться, он сбежит со своей жертвой! – Мужчина попятился, когда все трое борцов с преступностью начали угрожающе смыкать полукруг. – Почему вы не верите, нам что, больше всех надо? Моя фамилия Бурмистров, я заместитель Василия Мироновича Дорохова – главы районной администрации! Вы совсем ослепли?

Полицейские стушевались – лицо и впрямь оказалось знакомым. Повествование продолжила женщина, на вид довольно привлекательная. Она волновалась, но у нее выходило лучше, чем у мужа. Надежда Ильинична, супруга Павла Николаевича, рассказала, что у них свой дом в Вешняках – это следующая развилка, не доезжая райцентра. Туда они и ехали из Карамыса. Прошли поворот недалеко от Фасетного, пустую остановку и буквально вылетели на этого типа. Павел Николаевич едва успел затормозить! Страх натерпелись – не передать. Какой-то бродяга в лохмотьях волок рваный мешок через дорогу, из которого торчала детская нога. В мешке явно была видна возня. Бродяга встал от неожиданности, когда перед носом затормозила машина, резко повернулся. Это было мгновение. Они лишь немного смогли разглядеть его. Кудлатая борода (возможно, ненастоящая), злые глаза. Возможно, и лохмотья были маскировочным костюмом – они не в курсе. Хотя и реальных бродяг в этой местности хватает. Пассажиры джипа оторопели – страх обуял. Они бы все равно не успели ничего предпринять! Павел Николаевич машинально сдал назад – он был уверен, что этот тип сейчас на него бросится. Но тот прыжками пересек проезжую часть, вломился в кусты и пропал в чаще. Надежда Ильинична чуть не кинулась за ним вдогонку – сообразила, что это и есть загадочный маньяк, терроризирующий Выжинск. Но муж не дал ей выйти из машины. Да, он не эталон храбрости, но с благоразумием у Павла Николаевича все в порядке. Они помчались дальше, в райцентр, чтобы известить полицию. Так уж вышло, что Надежда Ильинична оставила дома свой сотовый телефон, а у Павла Николаевича села батарейка. Промчались метров пятьсот и вот наткнулись на полицейскую машину...

– Возможно, это странно, господа полицейские, – язвила женщина, – но мы законопослушные граждане, и судьба пропавших девочек нам безразлична. Пусть у нас с мужем и нет своих детей... Ну, что вы рты раскрыли?! – возмутилась она. – Это было минут десять назад, он не мог далеко уйти, там повсюду его следы!

Полицейские оробели. За последний месяц в Выжинске и прилегающих окрестностях бесследно пропали четыре маленькие девочки – от семи до девяти лет. Полиция сбилась с ног, никаких следов, очевидцев, родители сходят с ума от горя. Ни выживших, ни трупов... Сержант сообразил – есть возможность отличиться! Боязно, конечно, но раз такое дело... У самого дочке Анютке восемь лет, строго-настрого запретил жене оставлять ее без присмотра. Он метнулся к бортовой рации, вызвал дежурного, приказал срочно прислать подкрепление в такой-то квадрат. Мужчина с женщиной уже садились в свой джип, чтобы показать место происшествия. Маленькая кавалькада помчалась по дороге, поднимая пыль. Ревела сирена, мельтешил проблесковый маячок. Через несколько поворотов дали по тормозам. Ошибиться трудно – впереди крутой поворот, остановка с прохудившейся крышей, колдобистое ответвление на Фасетное, где сегодня вечером, похоже, промышлял наш герой... Глухое местечко, в таком не разгуляешься, аж мороз по коже. Осинник начинался от самой дороги. Водосток, травянистая бузина, издающая в ночное время неприятный аромат. Супруги Бурмистровы покинули машину, но на этом их храбрость закончилась – мялись на обочине, прижимаясь друг к другу.

– Это где-то здесь... – бормотала женщина. – Это ведь правда где-то здесь, милый?

– Не знаю, Наденька, – шепотом отвечал Бурмистров, нервно щелкая зажигалкой. – Да, наверное, вот поворот...

Здесь и в самом деле что-то происходило – отчетливо отпечатались тормозной путь.

– Смотрите, трава примята! – Обнаружил глазастый Колян, спрыгнул в водосток и помчался к лесу. Потом остановился, уткнувшись в заросли, засомневался – чего это он? Подоспели водитель и сержант, передернули затворы табельного оружия.

– Вы, двое, остаться на дороге! – приказал сержант, покосившись на оробевшую семейную пару. – Сесть в машину и не высовываться! Прибудет подкрепление – отправляйте их в лес! Ну и ну... – проворчал он, созерцая непроглядную стену растительности. – Не интим, но потрахаться придется. Пошли, пацаны...

Отыскать следы в этом хаосе бурелома смог бы только следопыт. Полицейские – народ простой. Они пыхтели, перебираясь через поваленные деревья, натыкались на ветки. «Двигаться в шеренгу, – предупредил сержант, – Интервал три метра, чтобы не потерялись мне тут...» Они затоптали все следы, но упорно двигались дальше. Стало веселее – ревели сирены на дороге, блеск мигалок прорывал хаос ветвей. Прибыло подкрепление из управы. Ахнул Антохин – нога попала в ловушку из скрещенных веток, он повалился, порвав форму.

– Бац! – и черная полоса в жизни, – нервно засмеялся Колян.

– Неуклюжий ты, Антохин, – сетовал сержант, помогая товарищу подняться. – В армии, что ли, не служил?

– Не служил, – ворчал водитель, отряхивая грязь, налипшую на штаны.

– Найти не смогли, – ухмыльнулся Колян.

– Тихо! – насторожился сержант. – Тихо, вам говорю, хорош базлать...

Лес пересекал глубокий овраг, и в этой теснине кто-то кричал и плакал. Полицейские всполошились – к черту подкрепление, сами справятся!

– Прикрывайте меня! – распорядился сержант, стиснул фонарь, рукоятку пистолета и двинулся вперед, высоко поднимая ноги.

Он съехал в овраг, едва не ободрав свою драгоценную пятую точку, помчался на крик. И вскоре уже рвал подгнивший картофельный мешок, извлекая из него насмерть перепуганную девочку. На вид ей было лет восемь, взъерошенная, видно, сопротивлялась маньяку, одета в легкую кофточку, простенькую юбочку ниже колен. Руки у девочки были связаны за спиной. Когда сержант ее распутал, она едва не вцепилась ему в щеку. Испустила вопль, которому позавидовал бы Маугли, пустилась в бега. Он поймал ее, стал успокаивать: мол, бояться нечего, скоро ее отвезут к маме, все будет хорошо. Прибежали коллеги, рвалось через лес подкрепление. Девочку трясло, тяжелый шок был налицо. Полицейские обшаривали местность, громко выражались. Маньяка не нашли – в этом не было ничего удивительного. Бросил ребенка после сцены на дороге – понял, что опасно, пустился в бега. А возможно, спугнули звуки сирены. Девочка сбивчиво повествовала: ее зовут Валечка Скрягина, она учится во втором классе средней школы номер два райцентра Выжинска. Живет в Фасетном, но там нет школы, поэтому нужно каждый день идти на остановку, самостоятельно добираться до школы – ее уже все водители знают! Отца в семье нет, мама в провозатые не годится – сильно занята. А сегодня девочка училась во вторую смену, задержалась с подружками, прибежала на остановку к последнему автобусу. Там и выяснилось, что у нее кто-то свистнул кошелек с мелочью. Сообщить домой она не смогла – не принято в семье Скрягиных пользоваться мобильной связью. Валечка постеснялась просить водителя, пошла пешком. И практически дошла. Четыре километра до отворота на Фасетное, полторы версты по лесу. И уже на околице, рядом с домом, на нее напали. Схватили, затолкали в мешок, заклеили рот и куда-то поволокли. Она от страха несколько раз теряла сознание – ничего не запомнила. Маньяка она не видела, напали сзади.

Ощущала только хриплое дыхание. Она услышала визг тормозов, затем ее еще немного протащили, бросили в овраг, оторвалась полоска скотча, которой ей заклеили рот...

Возможно, злодей все это время находился поблизости. Одному из патрульных показалось, что за деревьями кто-то пробежал. Трое бросились туда, светили фонарями, ворошили прелую листву, осматривали все канавы. Результат – нулевой, снова затоптали все следы. Зачистить весь лес у полиции не хватало сил – чаша бескрайняя.

– Всем в управление! – распорядился старший. – Пусть криминалисты утром колдуют, тут сам черт ногу сломит!

Минут через двадцать потерпевшую и свидетелей доставили в районное управление на улице имени 28-го партсъезда. Примчались заспанные оперативники, курирующие дело маньяка. Вновь опрашивались свидетели – супруги Бурмистровы, после чего их вежливо попросили написать «объяснительные». Привезли гражданку Скрыгину – неряшливую, благоухающую перегаром мать-одиночку. Кто-то пошутил: мол, такие детей не воспитывают, хотят, чтобы они выросли достойными людьми. Мамаша ревела, как на похоронах, лобызала свое чадо, хрипела, что никогда такого больше не допустит. Потом взбесилась, призывая оставить в покое ее дочь, она не в состоянии давать показания! У полицейских чесались кулаки – подправить похмельную физиономию. Ничего полезного девочка не сообщила, как и свидетели. На просьбу составить фоторобот предполагаемого преступника Павел Николаевич нервно засмеялся, и супруга напрочь отказалась это делать. В час ночи в следственный отдел завалялся майор Волынский Рудольф Валентинович – начальник управления, щеголеватый субъект сорока с небольшим лет. За глаза его звали «Рудольфо Валентино», хотя ничего провокационно-чувственного, в отличие от символа немого кино, в Волынском не наблюдалось. Он был уже в курсе событий.

– Ну, ты и герой, Павел Николаевич, – пожал он руку Бурмистрову. – Жалко, не поймали лихоедая, но ладно хоть девочку спасли! – Он покосился на молодого полицейского, ждущего от свидетеля письменных показаний, поморщился: – Чего сидим, Семин, ждем у моря погоды? Иди, работай! – Когда тот удалился, майор сделал задумчивое лицо, прошелся по кабинету, извлек из шкафа две стопки, из кармана – плоскую бутылочку, подмигнул: – Давай, Павел Николаевич, пустая бутылка, как говорится, нерв бережет. Чисто так, для запаха, – и плеснул в рюмки, покосившись на супругу Бурмистрова: – Надежде Ильиничне не предлагаю.

– Да хоть и предложи, Рудольф Валентинович, – фыркнула женщина, – все равно не буду. Не пью, знаешь ли.

– Отлично, Наденька, нам больше достанется, – отозвался майор.

Мужчины выпили, подождали, пока усвоится. Затем – еще по одной, на чем, собственно, маленькая емкость и завершилась.

– Ладно, ребята, давайте по новой, что там случилось, – проговорил Волынский, закрывая глаза. Он слушал с отрешенным видом, качал головой, открыл глаза и с чувством глубокой скорби уставился на опустевший сосуд: – Да это просто эра глобального охренения какая-то...

Он пружинисто поднялся, подошел к стенду «Их разыскивает полиция» – в следственном отделе он висел на видном месте. Фото пропавших девочек расположились в ряд. Милые, с живыми глазками, большинство из вполне благополучных семей. Анечка Зосимова, Анжела Пустовая, Вероника Тюрина, Лиза Рябушкина. Три последние учились в средних школах Выжинска, первая пропала в августе – мама собирала девочку в первый класс. Крошка убежала из дома поздно вечером – за сбежавшим котом. До сих пор не нашли – ни ее, ни кота...

– А это кто, Рудольф Валентинович? – Бурмистров подошел к стенду и ткнул в отдельно висящий снимок. С фото, сделанного много лет назад, смотрел молодой человек с короткой стрижкой и правильными чертами лица. У него был хмурый взгляд, словно фотограф, решивший его запечатлеть, чем-то парню насолил.

– А, этот... – задумчиво проворчал Волинский. – Там подписано – Островский Андрей Дмитриевич. Ну, да, ты же новый человек в нашей обойме, не в курсе всех страстей. Долго ты у нас трудишься, Павел Николаевич?

– Больше года, Рудольф Валентинович. Перевели из Канска...

– Помню. Ты же у нас любитель резать правду-матку в глаза, – майор криво ухмыльнулся. – Эта история быльем поросла, в 2004-м приключилась. Островский – местный житель, у него мать до сих пор тут живет. Вроде нормальный был парень, в армии отслужил, вернулся в Выжинск, работал в лесничестве. Потом случилась эта мерзкая история в Катумском урочище... Молва худая об этой местности ходит – дескать, аномальная зона, чертовщина всякая творится, ведьмины круги, лешие, кикиморы, вся фигня... Ничего там такого, разумеется, нет, просто местечко мрачноватое, энергетикой напичканное – такие территории в тайге не редкость. В общем, приехали четверо чудиков из Красноярска – типа уфологов или что-то в этом духе. Бездельники, короче говоря, любители погоняться за сенсацией, высосанной из пальца. Решили туда сходить со своими приборами. А место глухое, без знающих людей там делать нечего. Ну, и сагитировали двоих местных – Артема Губаря и Лариску Луговец, они прекрасно эти места знали. Ушла вся банда и не вернулась. А когда пропала, народ давай волноваться, сформировали спасательную команду. Дошли практически до Катума, там Белянча на переломе протекает. Ну, и наткнулись у реки на шесть трупов. Тела раскиданы: кто на берегу лежит, кто в лесу, а одного и вовсе из воды вытаскивали – за подводную корягу зацепился. Умертвили страшно, словно и не человек это делал, а зверь какой. У одного шея скручена, другому грудь разбили, у кого-то сучок в горле застрял... Опера работали как проклятые. Версий было не счесть – от бытовых до самых накрученных. И мистику приплетали: мол, нечисть из урочища вышла и погубила всю компанию, чтобы не пускать ее в свои владения. И заброшенный военный объект на другом берегу Белянчи вспомнили, мол, с ним это может быть связано. А чего там связано – все разрушено и быльем поросло, только стены остались. И то, что сами повздорили и друг дружку поубивали. И что эки беглые объявились и шлепнули всю камарилью. И шпионом один из них оказался – мочканул дружков, чтобы не сдали, да и самому не подфартило... Масса версий и гипотез, а победила элементарная: вот этот самый лесник прикончил их в порыве бешенства. Лариска Луговец была его девушкой, а перед тем, как уйти в поход, послала Островского к черту. – Майор усмехнулся: – Осерчал тогда хлопец и решил: мол, не доставайся же ты никому. Напал на лагерь, когда народ у костра сидел, – хотел одну Лариску, да что-то не срослось. Люди кинулись врассыпную, так он за каждым бегал и умертвлял, сила у парня немереная. А когда все сделал, начал следы замечать – он же лесник, прекрасно знает, как это делать. Вот и навел тень на плетень: мол, не было в тот день на Белянче посторонних, а гибель шестерых – промысел нечистой силы. Но он недолго запутывал следствие. Прибрали по совокупности улик, впаяли пожизненное...

– Да, я что-то слышал, – кивнул Бурмистров. – Старая страшная история. Подожди, Рудольф Валентинович, – замглавы районной администрации нахмурился, – если он висит у тебя на этой стене...

– Все правильно, – вздохнул Волинский, – сбежал, гаденыш. Три месяца назад. Так и не нашли...

– С пожизненного? – не поверил Бурмистров. – Да ладно, Валентинович, заливаешь! Не сбегает люди из таких зон.

– Из зон – не сбегает, – поморщился Волинский. – А он и не с зоны лапти сплел. Черда обстоятельств, понимаешь? В Амурском крае его «белый лебедь» находился. В начале лета там было страшное наводнение – неделю шли дожди, поднялись реки, впадающие в Амур, и зоне угрожало полное затопление. Приняли решение этапировать контингент в соседнюю колонию в качестве временной меры. Так Островский и еще четверо бежали из «столыпина», на полном ходу. «Уйти в пол» у них называется. Вырезается отверстие в днище, и эки туда падают.

Вероятно, дыра уже имелась, кто-то продал им эту услугу. За миллион денег или за пачку чая – теперь не разберешь. А десантироваться на ходу – просто песня. У них вариантов не было, поезд шел без остановок. Нырнешь в шпальную решетку – хорошо, промахнешься – размажет по рельсам. Двоих размазало, двоих потом в степи отловили. А Островского не нашли... Возможно, погиб, просто тело не выявили. Но парень ловкий, велика вероятность, что выжил. В первых числах июня пришла информация о побеге, дескать, бдите, может возникнуть в родных местах. Бдели – не возник. Следили за матерью: ведь, повстречай она сына, ее бы поведение изменилось. Но нет, ничего подобного, так и влачит сама с собой, даже не знает, что сынуля в бегах. Вроде нечего ему тут делать. Люди против него настроены, перспектив никаких. По логике вещей, он должен чесать на другой конец страны.

– Подожди, Рудольф... – Бурмистров сглотнул и пристально воззрился на молодого человека под клеймом «особо опасен». – Знаешь, майор, – сказал он дрогнувшим голосом, – я, конечно, могу ошибаться, но между тем бродягой и этим парнем что-то есть. Учитывая то, что любовались мы им всего секунду...

– Да ладно, с чего бы? – нахмурился Волынский и тоже задумался.

– Дорогая, посмотри, – сказал Бурмистров.

Подошла супруга, пристально уставилась на фото.

– Я даже не знаю, Пашенька. Хотя... – Она задумалась.

– Эй, уважаемые, не пугайте меня, – с беспокойством заерзал Волынский. – Только этого геморроя нам не хватало...

– Ты же говоришь, что он лесник, – пробормотал Бурмистров, – знает эти леса как свои пять пальцев. Может так запрягать своих жертв, что армия спасателей не найдет. Не думаю, что за восемь лет в тайге что-то изменилось. Хотя кто его знает, – он пожал плечами. – Может, и не он. Слишком быстро все произошло. Зачем бывшему леснику похищать малолеток? За восемь лет на зоне превратился в педофила? Бессмыслица какая-то...

Но семена беспокойства Павел Николаевич посеял. Супруга разволновалась и уже не казалась такой привлекательной, как раньше. Майор Волынский безуспешно справлялся с бледностью.

– Чем дальше в лес, тем веселее, короче говоря, – Надежда Ильинична зябко повела плечами. – Теперь домой ехать страшно, вдруг этот тип где-то поджидает...

– Это чересчур, Надежда Ильинична, – вымученно засмеялся Волынский. – Поезжайте домой и ничего не бойтесь. Если хотите... – он помялся, – могу вам выделить почетное сопровождение, хотя это, конечно, нонсенс.

– Уймись, Рудольф, – раздраженно поморщился Бурмистров. – Наденька преувеличивает. Отпускаешь нас? Или у следствия еще не иссякли вопросы?

– Поезжайте, – майор осклабился, – вы люди приличные, не будем вас сегодня закрывать. Seriously! – Он отстранился, обозрел смущенных супругов: – Отлично смотрите. Молодые еще, привлекательные. Вы даже чем-то похожи, если присмотреться...

Только в третьем часу ночи супруги Бурмистровы добрались до Вешняков. Ночь была безветренная, луна светила, как прожектор. Внедорожник миновал кирпичную ограду, увенчанную частоколом штырей, встал у клумбы с астрами. Ворота автоматически закрылись. Мужчина выключил зажигание и в изнеможении откинул голову:

– Ну и история, я весь взмок. Голова разболелась просто дико.

– То есть тебе сегодня нельзя, дорогой? – склонила голову Надежда Ильинична.

– Разберемся, – мужчина усмехнулся и посмотрел по сторонам. – Иди в дом, любимая, а я осмотрюсь: спокойно как-то на душе...

– Какие мы мнительные! – проговорила женщина и выбралась из машины.

Павел Николаевич поставил внедорожник в гараж, пристроенный к дому. Несколько минут он стоял у ворот, выглядывая на улицу. От соседних строений участок заслоняли кусты черноплодной рябины. Осыпалась листва, пока еще не смело, но пройдет неделя-другая, и ограда обнажится, кусты превратятся в скелеты, и каждый день придется выметать ворохи листвы. Он пересек участок, обогнул кирпичный особняк и приблизился к задней калитке, запертой на замок. Эта сторона выходила к лесу, до проселочной дороги было метров семьдесят. Мужчина слушал, анализировал ощущения. Все было спокойно, далеко в лесу ухал филин. Возможно, он просто перенервничал, не было оснований для беспокойства. Да, скорее всего... Он глубоко вздохнул и зашагал в дом.

Надежда Ильинична гремела на кухне посудой. Она тоже переволновалась. У нее, в отличие от Павла Николаевича, волнение порождало острое чувство голода.

– Все в порядке, дорогой? – поинтересовалась супруга.

– Все хорошо... – устало отозвался Павел Николаевич, швыряя кожаный пиджак на оленьи рога.

Бурмистров вошел в коридор, отходящий от кухни, спустился в подвал. Здешняя дверь могла выдержать небольшой артиллерийский обстрел. Он извлек из кармана связку ключей, отпер дверь. Снова показался коридор, мутные плафоны, еще одна дверь. Он открыл ее, включил свет, но заходить не стал – хотел лишь убедиться, что все в порядке. Все было мирно. Это была сумрачная комната с бетонными стенами, две кровати стояли в дальних углах. Заворочалось одеяло на одной из них, испуганно заблестели глазенки лежащей на кровати девочки. Ей не было и восьми – обрисовалось изможденное личико. Огромные глаза в половину лица. Она проснулась от скрипа, съежилась, слезы хлынули из глаз.

– Не надо, дядя Паша, не надо. Пожалуйста, не надо... – жалобно забормотала малышка. – Мне больно, мне очень больно...

Проснулась вторая девочка, зашмыгала носом, спряталась под одеяло. Забренчали стальные цепочки – они тянулись от детских шеек к ножкам кроватей, вмурованным в пол. Павел Николаевич не стал входить – время не совсем подходящее. Он ласково улыбнулся девочке с огромными глазами, покосился на квадратный матрас посреди комнаты, прикрытый пледом, – там валялись детские игрушки, в том числе когда-то модная, но растерявшая лоск кукла Барби. Он мог бы в принципе остаться... Нет, не сегодня, он подавил «естественный» позыв, попятился, закрывая дверь. И чуть в штаны не наделал, когда его сзади обвили мягкие руки.

– О, мой господин гинеколог и проктолог, – зашептала Надежда Ильинична со зловещим придыханием, – боишься, что ли?

– Испугала, – признался Павел Николаевич.

Женские глаза причудливо светились в полумгле. И как ей удастся в присутствии посторонних притворяться обычной женщиной? Она шутливо впилась зубами ему в шею, решила не усугублять, отстранилась.

– А вот интересно, дорогой, что имел в виду майор Волынский, когда сказал, что мы с тобой похожи? Это тревожный звоночек?

– Не думаю, – возразил Павел Николаевич. – Он имел в виду, что, когда люди долго живут вместе, они становятся похожи друг на друга. Одинаково мыслят, одинаково себя ведут, даже в лицах у них появляются схожие черты. Прости, дорогая, но мы действительно похожи, за это нужно сказать отдельное спасибо нашим родителям.

– Мы с тобой как Стэплтоны из «Собаки Баскервиль», – провела параллель Надежда Ильинична. – Родные брат и сестра...

– Не совсем, – поправил Павел Николаевич. – Стэплтон представил даму как сестру, хотя фактически она была ему женой. Мы же с тобой представляемся супругами, хотя фактически...

– Надеюсь, ты не собираешься однажды жениться, братик? – кокетливо спросила женщина. – Не забывай, что это может сильно меня огорчить.

– Не женюсь, – проворчал мужчина. – Зачем мне жена? Ты лучше любой жены. Я твой пожизненный муж. Кто еще меня поймет, если не ты?

– Да уж... – Дама многозначительно покосилась на запертую комнату. – У одного из нас периодически случаются срывы. Если бы не это, то твоего дружка, – она потерлась о ширинку мужчины, – давно пришлось бы обводить мелом. Не обижайся, дорогой, я в хорошем смысле. Ты же у нас больной...

– Ты тоже больная, – отозвался мужчина.

– Возможно. Мы все понимаем, а значит, неуязвимы... – Парочка обнялась, издавая сочные чмокания. – Я могу рассчитывать на горячий остаток ночи, дорогой? – с придыханием прошептала женщина. – Давай не тянуть резину. Запирай все двери, я уже поднимаюсь в спальню.

– А что на тебе сегодня будет, – натужно хихикнул Павел Николаевич, – кроме семи убийств и десятка других пикантных эпизодов?

– У тебя отличное чувство юмора, – не обиделась женщина, – чему подтверждение – события этой ночи. Ты, кстати, уверен, что это было необходимо? Избыток вранья, слишком пышная театрализация с перебором реквизита. Понимаю, что заподозрить нас трудно, а тебе скучно без развлечений в этой глуши, но...

– Я все уже рассказал, – помрачнел Павел Николаевич. – Когда я отправился в Коровью балку хоронить нашу любимую Анечку, мне показалось, что за мной следят: мелькнуло что-то между деревьев. Неприятное тянущее чувство меня атаковало... Я испугался, спрятался в расщелине, потом поволок ее черт-те куда, пока не избавился от этого мерзкого чувства, закопал так, что никто не найдет... Потом обходил этот лес за четыре километра... С той ночи и преследует мысль, что нужно отвести от нас подозрения. Пусть топорно, неважно. Но удачно ведь сложилось! И Валечка Скрыгина, про которую забыла ее алкоголичка, была просто божьим подарком. Вдруг этот тип в лесу заметил мое лицо? Ночь была, но мало ли? Мы должны быть свидетелями, дорогая, а лучше – отличившимися свидетелями. Пусть думают на кого угодно: на сумасшедшего бродягу, на беглого эка... как его, Островский? Не зря же я подкинул майору идею. Сто процентов, что этот Островский никогда не объявится в райцентре. Что ему тут делать? Пусть работают, им за это деньги платят.

– Обрати внимание, дорогой, я с тобой не спорю, – вкрадчиво сказала женщина. – Если ты решил, значит, так и будет. Ты же старший в нашей семье, – она усердно скрывала иронию, – параноик ты мой. Никто за тобой не следил. Это Катумское урочище, там чего только не мерещится. Не хотелось бы портить дивную ночь, дорогой, но ты должен заканчивать эти детсадовские игры. Просто опасно. Мы же не хотим дожидаться следователей из Красноярска? Делай что хочешь, но послезавтра этот подвал должен быть чист, девочки удалены, кровати разобраны.

– Знаю, дорогая, я не идиот! Пойдем скорее наверх... – поторопил Бурмистров.

Вдруг обоим что-то послышалось, они вздрогнули. Словно половица скрипнула наверху. Мужчина замер, мурашки поползли по коже. Женщина нахмурилась. Они усердно вслушивались, но звук не повторялся.

– Ты дверь закрыл на замок? – шепнула женщина.

– Конечно! Это как рефлекс. Там кто-то есть, вот черт... А пистолет наверху, в спальне.

– Никого там нет, расслабься. Просто старый дом иногда издает неприятные звуки. Пойдем, что ты застыл как соляной столб? Сегодня нам точно нечего бояться. Пойдем же, не заставляй меня усомниться в твоей главенствующей роли.

Но ей тоже становилось не по себе. Не было в их практике такого случая, чтобы дом (отнюдь не старый) издавал неприятные звуки. Оба вооружились, прежде чем выйти из подвала. Павел Николаевич – саперной лопаткой, извлеченной из тесной кладовки (этим шанцевым инструментом он рыл могилку очаровательной Анечке), Надежда Ильинична схватила

кусачки с полуметровыми ручками. Вкрадчиво ступая, сжимая оружие, они вышли из подвала. Над разделочной плитой на кухонной зоне расплывались электрические пятна, озаряли первый этаж. Они обливались потом. Женщина прижалась к косяку, мужчина метнулся за огромный холодильник, который в прошлом месяце ему доставили контейнером из Красноярска. Кажется, никого... Он бросился к входной двери, убедился, что она заперта, перевел дыхание. Вот ведь жизнь, приходится бояться каждого шороха!

– На это я, собственно, и намекала, – усмехнулась Надежда Ильинична.

Она оторвалась от косяка, шагнула к мужчине. Он тоже двинулся к ней. Гормоны бросились в бой! Для поддержания либидо и тонуса он должен был время от времени прибегать к «услугам» малых деток, но только не сегодня. У страха не только глаза велики! Однако двое не встретились. Мужчина простирали загибающие пальцы к своей похотливой ведьме, как вдруг погасли лампы над разделочной плитой. Через тумбу что-то перемахнуло. Между женщиной и мужчиной возник барьер. Повеяло чем-то неприятным, тяжелым, лесным. Ахнула Надежда Ильинична. Павел Николаевич взревел от бешенства, бросился вперед с занесенной лопаткой, рубанул со всей силы. И во что-то попал до синевы отточенной гранью. Захрипела Надежда Ильинична, взялась за голову. Выпали кусачки, но вряд ли она почувствовала боль в сломанном мизинце на ноге. Женщина упала. А ошалевшего Павла Николаевича схватили за шиворот, куда-то швырнули. Он заблеял, как баран, боль в плечевой кости была ужасной. Злоумышленник не дал ему подняться. Он нашел применение плетеному столу из ротанга, схватил за ножку, стряхнув с него горшок с растением, занес над головой и хорошенько двинул по горбине. Павел Николаевич стал давиться рвотой, пополз по полу, безвольно волоча ноги.

– Сочувствую, господин Бурмистров, – глухо пробормотал истязатель. – Это так несправедливо, когда получаешь по заслугам! – Он схватил за шиворот полуобморочное тело, оторвал от пола и снова бросил. Сплюнул с отвращением: – Тьфу, прикасаться противно...

Анонимный звонок в управление внутренних дел поступил в три часа ночи. Звонили с номера, зарегистрированного на Павла Николаевича. Механический голос сообщил, что если полиция все еще заинтересована в поимке маньяка, то почему бы ей не подъехать по указанному адресу в Вешняках? Телефон пробили мигом, и в Вешняки, отделенные от Выжинска сосновым бором, устремились два патрульных экипажа. Ворота были нараспашку, двери открыты. На первом этаже царил кровавый бардак. Блюстители порядка растеклись по дому, ворвались в подвал, двери которого были гостеприимно раскрыты. Проникли в дальнейшее помещение. И оторопели. Ничего подобного в замшелом сибирском городке они не видели. На кроватках съжились две маленькие исхудавшие девочки, хлопали глазенками. Звякали цепочки, приковавшие их к кроватям. Их решили не развязывать – сбегут, и снова будут неприятности. Пусть потерпят несколько минут. Один из блюстителей порядка доставил из смежного бокса два массивных старых кресла, к которым и привязал маньяков. Позднее выяснилось, что все эти действия производились при символическом освещении – девочки не видели лица фигуранта. Он не вымолвил ни слова, только тень сновала перед глазами. Женщина еще дышала, на лбу красовался роскошный рубец. Голова была залита кровью. Напротив восседал Павел Николаевич. Лица у него не было – его заменил распухший синяк. Он вяло шевелил головой, губы бормотали что-то бессвязное.

Полицейские лишились дара речи. Особых комментариев к зрелищу вроде бы не требовалось. Но перебаривать пришлось долго.

– Освободите меня! – обретя зрение, промямлил Павел Николаевич. – На нас напали, это разбой... – Он покосился на своих маленьких жертв, которые съжились и затаили дыхание. – Я не знаю, кто это! – испуганно взвизгнул Бурмистров. – Я впервые их вижу! Нам их подбросили! Это подстава! Развяжите меня, кретины! Чего вы стоите?

Один из патрульных бросился его развязывать, но второй засомневался:

– Постой, Никита! – Он неуверенно сглотнул. – Давай начальству сообщим.

– Но это же Бурмистров, – растерялся первый. – Он типа зама у Василия Мироновича...

– Да, я заместитель Василия Мироновича! – попытался повысить голос Бурмистров. – Немедленно меня развяжите!

– Не развязывайте его, дяденьки, пожалуйста! – жалобно захныкала девочка. – Он плохой, он делал нам больно...

– Вероника, душечка, что же ты такое говоришь? Я же к тебе со всей лаской... – взревел Бурмистров – и осекся, начал багроветь. – Нет, постойте, я не это имел в виду! Я не знаю, кто нам подбросил этих маленьких паршивок! Это провокация!

– Павлуша, какой же ты кретин... – еле прошептала Надежда Ильинична и мелко затряслась – то ли плакала, то ли смеялась.

– Ух, е... – почесал ершистую макушку патрульный. – Не, Димон, в натуре, надо начальство вызывать, нам это не по мозгам...

Событие действительно экстраординарное. Через полчаса в Вешняки примчались опер-группа, медики, эксперты. Две маленькие крошки – запуганные, истощенные, морально травмированные на всю оставшуюся жизнь – отзывались на имена Вероника Тюрина и Лиза Рябушкина, то есть входили в список пропавших. Уже позвонили их родителям – сообщить эту радостную новость. Примчался майор Волынский с округленными глазами. Почтил своим присутствием местный царь и бог Дорохов Василий Миронович, глава районной администрации, тяжеловатый, со щеточкой усов и квадратной челюстью. Он спустился в подвал, застегивая на ходу рубашку, торчащую из-под пиджака, поиграл желваками, задумчиво уставился в никуда. Оценил обстановку (девочек уже забрали люди с носилками, а виновники торжества остались) и злобно вперился в Волынского.

– Уж извиняй, Мироныч, что так случилось, – усмехнулся тот. – Ты сам этого гада под боком пригрел.

– Ну что ты, Валентинович, я совсем на тебя не сержусь, – процедил сквозь зубы Дорохов и неприязненно уставился на привязанного к креслу заместителя. Тот начал злобно материться. Сначала приглушенно, потом громко, очень выразительно и артистично.

– Поздно, Мироныч, не лезь в пузырь, – перебил Волынский. – Давай думать, как выбираться из дерьма. Хотя какие тут варианты?

– Василий Миронович, это не то, что вы подумали... – хрипел привязанный к креслу Бурмистров. – Я же предан вам, как собака, я всегда был на вашей стороне!

– Помолчи, Павлуша, – поморщился Дорохов и шикнул на любопытного патрульного, заглянувшего в помещение. – Слушай... – Он помялся и обратился к майору: – А может, действительно постановочный трюк?

– Не прокатит, Мироныч, – решительно отверг Волынский. – Такую сцену не сочинишь за пару часов. Подвал оборудован под эти «невинные шалости». Девочки твердят в два голоса, что твой заместитель их насильно удерживал и, как они выражаются, «делал очень больно». А вот эта особа, – кивнул он на Надежду Ильиничну, – с удовольствием ему ассистировала и вела себя, словно надзирательница в концлагере. Анжелу Пустовую и Аню Зосимову маньяки умертвили и где-то зарыли. Прости, Мироныч, но эту неприятность нужно пережить. Не предлагай замать – не получится. Трактовать по-новому Уголовный кодекс я не собираюсь. Твой чинарик и его баба, по ходу, чувствовали опасность и попытались свалить вину на бродягу, которого в природе не существует. Но есть и хорошая новость, – он презрительно усмехнулся. – Мы поймали маньяка. Даже двоих. Самых настоящих, заметь. И две их жертвы спасены. Можно вздохнуть спокойно.

– Мы? – поднял брови Дорохов. – Мне доложили, что в полицию поступил анонимный звонок...

– Да, это так, – неохотно согласился Волынский. – Звонили с телефона Бурмистрова. Голос изменили, но это явно был мужчина. Кто-то выследил психопатов, проник в дом и хорошо с ними поработал. Впрочем, начисто уделывать не стал – оставил полиции. Эффектно сделал, не подкопаешься...

– Кто это может быть? – недоуменно спросил Дорохов.

– Без понятия. Возможно, этот тип действовал не один. Думаю, стоит проверить одну завиральную версию... – сглотнул с усилием, словно при ангине, – но это не горит.

– Как же не вовремя, черт возьми, – поморщился Василий Миронович. – Завтра в наш район приедут уважаемые люди, мы просто не имеем права их не принять. Эта публика не поймет, если мы ее развернем. Суета с маньяками – наши, как говорится, проблемы...

– Циклоп и Хирург? – усмехнулся Волынский. – Да уж, господа, однозначно, уважаемые... Ничего, в заповеднике посидят, нечего им по поселку разъезжать. Здесь не Куршавель и даже не Крыжополь. Слушай, Мироныч, – рассердился он, – не плоди сущности, без тебя голова кругом.

– Ладно, – отмахнулся Дорохов. – Раз уж случилась такая беда, – он покосился на маньяков, – проводите свое следствие, только без шума. Старайтесь не привлекать эту, как ее... общественность. Подлечить нужно психопатов, а то вид у них какой-то не товарный. Вот же сукины дети эти Бурмистровы... – Он с досадой харкнул под ноги. – Устроили тут, мать, фестиваль...

– Небольшая пикантная подробность, господин майор, – показался в дверном проеме моргающий оперативник. – Позвольте? Согласно показаниям выживших жертв, эти двое частенько величали друг друга «братиком» и «сестричкой». Если это игра, то довольно странная, не находите? Формально они считались мужем и женой, частенько раздевались тут перед детьми, показывали им всякие непристойности...

– Уйди, дружок, меня сейчас вырвет... – прохрипел Василий Миронович. – Валентинович, уйми своих архаровцев, пусть по-тихому работают, достаточно нам этих откровений!

Майор сделал знак – сотрудник пропал.

– Не губите, Василий Миронович, – просипел Бурмистров, надуваясь, как лягушка. – Это ложь, я докажу...

– Усохни, гадина! – взревел Дорохов, подлетая к бывшему подчиненному с занесенным кулаком. Волынский перехватил его: действительно, не стоит плодить проблемы.

– Финиш, братец... – приоткрыла воспаленный глаз Надежда Ильинична. – Нас, кажется, переиграли...

Пожилая женщина очнулась перед рассветом от непонятного чувства. Она подняла голову, резко села, свесив ноги. Что это было? Сон, явь? Такое дикое чувство, что минуту назад кто-то стоял перед кроватью и ее разглядывал. Но никого тут не было – пустое мглистое пространство. Она потянула носом и что-то почувствовала. Холод заструился по позвоночнику, дышать стало трудно. Всю жизнь до выхода на пенсию она преподавала математику в школе, любила все раскладывать по полочкам и находить приемлемые решения. Но только сегодня анализ не удался. Возможно, это было что-то из области психоанализа – необъяснимое, вытесненное в подсознание, некая квинтэссенция пережитого и выстраданного за много лет. Хотя, с другой стороны, откуда этот странный дух?

В комнату сквозь ситцевые шторы просачивался туманный свет. Луна еще не ушла. Где-то на улице поскрипывал кузнечик. В лесистой балке, по которой петляла улица Кривобалочная, лениво ухала неугомонная лесная птица. Из полумрака проявлялась неказистая обстановка: крытый клеенкой стол, старенький «Фунай», который женщина включала по большим праздникам, шкаф, забитый книгами. Лунный свет озарил ее фигуру – болезненно худую, законченную в глухую сорочку. Лицо в морщинах, сохранившее форму семнадцатилетней девушки,

волнистые волосы, обильно помеченные сединой. В полумгле блестели глаза. Страха она не чувствовала, это было что-то другое – нервозность, душевный дискомфорт, сумбурность чувств. Она затаила дыхание. В окружающем пространстве что-то было не так, будто нарушена важная составляющая. Уж ей ли не знать атмосферу собственного дома, в которой крайне редко отмечаются посторонние флюиды...

Она отыскала тапочки, поднялась на скованных ревматизмом ногах. Пересекла горницу и застыла у старенького холодильника «Минск». В доме не было посторонних. Здесь не так уж много углов, где можно спрятаться. Ноги понесли ее в крохотные сени. Взгляд зацепился за кочергу, прислоненную к печке. Поколебавшись, она решила не вооружаться – глупость, право слово... Входная дверь, обитая войлоком, оказалась незапертой. Крючок болтался в скобе. Волнение усиливалось, дыхание срывалось. Ведь она не могла не запереться, когда укладывалась спать. Или... могла? Хоть убей, не помнила. Многие действия она совершала безотчетно, автоматически. По тысяче раз одно и то же! Могла задуматься и не сделать. Или сделала, тогда... Возможно, кто-то просунул между дверью и косяком тонкий предмет, приподнял и опустил крючок. А дверь не скрипит, потому что петли смазаны растительным маслом. И что в этом рационального? Грабитель? Хотел украсть последнюю тысячу рублей, оставшуюся после оплаты коммунальных услуг? Женщина вышла на крыльцо, постояла минуту, вдыхая пронзительно чистый ночной воздух. Атмосфера в заштатном городке не испорчена промышленностью, здесь всегда нормально дышится. А начало сентября выдалось мягким, дни сухие, теплые, температура ночами опускается незначительно.

Стоять без опоры было трудно, она взялась за ограждение крыльца. И что-то почувствовала под ладонью, помимо шершавого бруса. По спине пробежал холодок. Она взяла эту штуку двумя пальцами, поднесла к глазам. Это был обломок полотна, пилка по металлу – эту штуку можно просунуть в щель и приподнять крючок... Сердце застучало. Да нет, ерунда, совпадение. Наверное, она сама подобрала эту штуку и положила на перила. А почему не помнит – неважно. Сердце сжалось в неясном предчувствии. Она всматривалась в бледные очертания дворовых построек, в покосившийся курятник, в сеновал, давно не применяемый по назначению. И вновь не покидало ощущение, словно незримый наблюдатель не спускал с нее глаз...

«Ты же таблетки перед сном не приняла! – вспомнила женщина. – Вот и мерещится всякая чертовщина». А чертовщина, как известно, придумана людьми – это подтвердит любая учительница математики. Она успокоилась, отмахнулась от ерунды. Никто на нее не смотрел, она напрасно себя накручивала. Свежий воздух подействовал благотворно, женщина вернулась в дом и заперлась на крючок. Для верности прислонила к двери кочергу. Выпила таблетку, завернулась в одеяло и попыталась уснуть. Но снова не покидали сумбурные чувства, воспоминания. В этом духе, что витал по дому, было что-то знакомое, свое, родное. Такое не забудешь. Сон не шел. Женщина зажгла светильник, обратила взор на две фотографии в рамочках. Они всегда были рядом – самые дорогие на свете люди. И когда засыпала, и когда просыпалась... Плотный мужчина с печальными глазами – муж, скончавшийся много лет назад. Работал проводником в тайге, вел туристов по порогам Белянчи, оступился, вытаскивая из воды упавшего с обрыва мальчишку. Со второго снимка смотрел серьезный парень с серыми глазами. Он отбывал пожизненный срок за убийство – за преступление, которого не совершал. Ее сын не мог никого убить, она знала. И долой так называемые улики и доказательства. Эти люди просто ошиблись, поспешили. Три месяца от него уже не было вестей. Она писала каждую неделю, бегала с надеждой к почтовому ящику. Почему он молчал? Может, случилось что? Она уже звонила в Красноярский ГУИН, просила выяснить, жив ли ее Андрюша, что с ним стряслось?! «Ваш сын жив, – пришел скупой ответ. – А почему он вам не пишет, уважаемая Тамара Александровна, нас никоим образом не касается...»

Он шел по буеракам, делая короткие передышки. Близился рассвет, светлело небо на востоке. А над головой мигали и переливались звезды. Скрипели сапоги, сиплое дыхание вырывалось из натруженного горла. Сутулая фигура в прорезиненном балахоне брела на север к черной кромке леса. Он спешил до рассвета войти в урочище, зарыться в свою берлогу. Состояние ужасное, настроение – никакое. Он чуть не сорвался со скалистой кручи, выросшей перед лесом. Трезво рассудил, что альпинизм и депрессия несовместимы – нужно выбрать что-то одно. И снова выдалась минута покоя, восстановить дыхание и преодолеть преграду в зловещем лунном свете. Застыл, прыгнув на землю, и потащился дальше, в объятия урочища...

Он знал эти места как облупленные. Мог пройти с закрытыми глазами в любую точку лесистой местности. Дикий капитализм сюда не добрался и вряд ли когда-нибудь доберется. Даже люди из поселка в гиблые леса практически не ходили. Несколько минут он сидел на поляне, словно под гипнозом, разглядывал лунную дорожку, убегающую в лес. Скоро и он ступит на лунную дорожку войны, хватит таиться по лесам, занимаясь охотой и собирательством. Пусть глупо, безнадежно – ничего. Глупость – тоже форма существования разумной материи. Он отдохнул и двинулся дальше, хрипло напевая под нос: «Не прожить нам в мире этом...»

Угрюмое урочище укрывало «временного» обитателя. Деревья фантастических изогнутых форм (в них с трудом узнавались осины) заступали дорогу, уплотнялись. Местность становилась рельефной – бугры и косогоры сменялись ложбинами, вились трещины, напоминающие разломы от землетрясений. Уйдешь в такой разлом – потом костей не соберешь. Мужчина забрался в самую глушь, остановился, огляделся и побрел к развесистой тройной осине – местной достопримечательности. В провале под деревом он оборудовал землянку, обложил ее трухлявыми поленьями, замаскировал. Жилище получилось небольшим, сомнительной комфортности, но в нем вполне можно было вытянуть ноги. Фонарик работал. Нежданных посетителей в его отсутствие не было. В глубокой нише лежали два армейских вещмешка, возвышалась лежанка из охапок хвой, крытая брезентовым холстом. На примитивной полочке, вдавленной в земляную стену, обосновались нужные в быту предметы – репеллент, туалетная бумага, сухое горючее. Еще до зоны он бросил курить – отличный выбор, отказ от курения существенно продлит его бессмысленное существование. Он истрепался за эту ночь морально и физически, сил хватило лишь доползти до лежанки и рухнуть.

Но сон не шел. Перед глазами стояло постаревшее лицо матери. Его сменяли физиономии маньяков-педофилов, которые он разукрасил от всей души. Стал засыпать, как вдруг насторожился, распахнул глаза. Чувствительность выработалась отменная, даже на объекты, которые трудно отнести к материальным сущностям... Он нащупал нож, лежащий под брезентом, и начал бесшумно выбираться из землянки. Схоронился за бугром, затаил дыхание. Природа урочища отличалась от всего, что его окружало. Плохое место. Испокон веков оно считалось проклятым, напичканным потусторонними силами, дурной энергетикой. «Знающие» люди говорили, что в древности здесь водили шабаши ведьмы, чем и объяснялись пресловутые «ведьмины круги» – места с повышенной геомагнитной активностью. В них отказывались работать технические приборы, вставляли часы, а люди испытывали беспричинное волнение и страх, переходящий в панику. Здесь шаманы хоронили своих коллег, возвышались курганами могилы колдунов, а уж этих «специалистов» в Сибири всегда хватало. Ходили слухи, что в эту местность в тридцатые годы свозили «политических» из Красноярска, Канска, Ачинска и расстреливали в местных оврагах сотнями. Энергетика в этом районе действительно царила убийственная. Сюда почти не забредали таежные звери, птицы не вили гнезда, водились только насекомые, причем в огромных количествах, поскольку их некому было уничтожать...

Он всматривался в белесую мглу. Туман стелился над землей. Рассвет практически не ощущался, кроны деревьев надежно заслоняли небо. Что-то плыло между кочками, метрах в пятидесяти к западу, – бесцветное, эфемерное, похожее на кляксу. Пропадало за деревьями, снова появлялось. Явление не обладало материальной основой – в противном случае хрустели

бы ветки. Феномен не являлся завитком тумана. Туман жил своей жизнью, а эта штука – своей. Пятно расплывалось, принимало разные формы. То оно не касалось земли, превращалось в спираль, то вдруг принимало человеческие очертания, имело ноги, голову и что-то вроде мантии, свисающей с плеч. Смотреть на это было неприятно, немела кожа на макушке. Но мужчина смотрел, стараясь не вдумываться в смысл явления. Ему плевать, что это было – злополучная душа, не нашедшая пристанища, инопланетная сущность, запертая в урочище... Главное, что эти явления его не трогали. Он не должен ничего бояться – пусть его бояться! Здесь его лес, он его часть – пусть и отсутствовал долгие девять лет. Он лесник, истоптал эту местность вдоль и поперек. Не случайно он здесь поселился. Духи леса и раньше его не трогали, уживался лесник с потусторонними формами жизни, пусть так и продолжается. Они не должны обращать друг на друга внимание...

Оно и не обращало, хотя обязано было его почувствовать. Явление растворилось в зарослях малины – сложилось впечатление, словно их слегка потрянуло. Мужчина выждал несколько минут, убедился, что «прохожий» не намерен возвращаться, и сполз обратно в землянку. Он закрыл глаза, расслабился. Но снова мелькали какие-то планы, прожекты, привязанные к конкретным уголкам местности. Выжинский район он знал наизусть. 55-я параллель, юго-восток Красноярского края, один из самых бедных и заброшенных уголков. Тайга, глухие заболоченные районы, местность холмистая, испещрена скалистыми хребтами. Богом забытый райцентр Выжинск в окружении плотных лесов. Шестнадцать тысяч душ населения, несколько предприятий, где еще теплится жизнь, фабрика художественного промысла, ДРСУ, автомеханические мастерские. На юге – парочка золотодобывающих приисков, вполне рабочих, там что-то добывают под негласным патронажем загадочных сил. На востоке – аэродром Убинский, когда-то регулярно принимавший «кукурузники» из краевого центра, а ныне обслуживающий только чартерные рейсы. За аэродромом, в пятнадцати километрах, – федеральная трасса, до которой курсирует местный автобус, железная дорога. В километре к северу от райцентра – чересполосица перелесков и оврагов. В низине – Катумское урочище площадью в несколько квадратных километров. По восточной его границе на север убегала Белянча, резвая на порогах, спокойная на плесах, имеющая крутые берега и извилистые меандры. Она брала начало в кручах Хакасии, змеилась по субъектам Федерации, разрезала пополам Выжинск и уносились в нелюдимую глушь. На правом берегу, напротив урочища, стоял Егорьевский заповедник, двадцать квадратных верст живописного леса с причудливой акустикой, с богатым животным миром. Густые елово-осиновые чащи чередовались скалистыми кряжами. Сквозь урочище змеилась колоритная речушка Выхва с кристально чистой водой. В лучшие годы там водились медведи, кабаны, лоси. Зайцы бегали от лисиц, косули – от рысей. К третьему тысячелетию фауна заповедника оскудела, но полностью ее не извели. Формально это дело охранялось государством, однако не все работники заповедной зоны блюли закон. Дичь постреливали приезжие «обеспеченные» охотники (приобретая при этом что-то вроде неформальной лицензии), шалили местные, знакомые с заповедными тропами. Любопытные места района данными объектами не исчерпывались.

К северо-востоку от Егорьевского заповедника, за колоритным черничным бором, в советские времена располагался закрытый военный объект. Доступ посторонним строго пресекался. Объект опутывали сетки с сигнализацией и ворохи колючей проволоки. Внутри запретной зоны под маскировочными сетями возвышались приземистые строения из кирпича и бетона, рукотворные холмы с замаскированными воротами. Рядом находился жилой городок – несколько трехэтажек, воинская часть для охраны объекта. Солдаты патрулировали территорию днем и ночью. Объект венчали часовые вышки, замаскированные под геофизические. От закрытой зоны к Транссибу убегала ветка-одноколейка, также тщательно охраняемая. Объект принадлежал 12-му управлению Министерства обороны СССР – разработка, производство и доставка «потребителям» ядерных боеприпасов. Но вскрылась эта тайна лишь после 91-го

года, когда объект ликвидировали, часть расформировали, а ценных сотрудников и оборудование вывезли в Иркутск. Секретные цеха и мастерские взорвали и завалили, остальное просто бросили. Грабить здесь было нечего – военные вывезли все. Объект зарастал бурьяном, осыпались стены и крыши. В настоящее время он никого не волновал – даже в качестве имперского артефакта.

Целых три года после дембеля Андрей Островский работал лесником в Егорьевском заповеднике, выучил каждую тропку, чуть не за руку здоровался со зверями заказника и духами Катума... Он вертелся, не мог уснуть, призраки прошлого вставали перед глазами, воскрешалась былая жизнь. Нормальный парень, видный, – не сказать, что душа компании, но обаятельный и начитанный. Занимался спортом – лыжами, боксом. Планов на жизнь не строил, по большим городам не скучал. Решил пойти по стопам отца – «лесовиком». После школы отработал год в лесничестве, потом пришлось идти в армию. Имелось предложение – отдать долг Родине наличными, но отказался. С местом службы откровенно не подфартило. Отбарабанил два года в комендантском взводе под уральской Верх-Пышмой, охранял гауптвахту, конвоировал осужденных в дисбат, ловил дезертиров. Солдат комендантского взвода презрительно называли «гансами», их боялись, обходили стороной – за чрезмерную жестокость и щенячью преданность начальству. Андрей не выслуживался, держался особняком, и не было ни разу, чтобы дал себя в обиду. Читал в свободное время, пропадал на спортплощадке. Вернулся все таким же – не оскотинился, не раздавил армейский молох. Мать цвела, в управе заказника встретили с распростертыми объятиями. И снова флэшбэки в относительной хронологии. Рвет и мечет откормленный депутат какого-то райсовета, подстреливший косулю с детенышем, – мало того, что Островский отобрал у него «орудие незаконного промысла», так еще и подбил оба глаза... В десятом классе повстречал любовь – Ларису Луговец, гибкую, как тальник, с умными глазками. Но что-то треснуло в отношениях – и вот она едет поступать на журналиста в краевой центр, где, по достоверной информации, выходит замуж. А Островский у себя в райцентре кусает локти и лезет на потолок. Все позади, заживают раны, проходят два года после дембеля. Появляется новая девушка – Ульяна Зотова, дочка директора ДРСУ, с которой он уже подумывает обвенчаться. И вдруг чудесное явление! Возвращается с дипломом и глубокой моральной травмой Лариса... Он чуть не обомлел, когда ее увидел. Печаль в глазах, библейская усталость, а в остальном его любовь ничуть не изменилась! Разочаровалась в больших городах, потеряла ребенка – умер от инфекции на втором месяце жизни. И снова все заново: любовь, свидания... Впечатляющая ночь под открытым небом. Она смеется: «Вот ты и исполнил чужой супружеский долг... Не паникуй, Андрюша, я замужем только формально, жду, когда это чудо гороховое соизволит подписать развод...» Ульяна переживала, обозлилась, замкнулась. Ему было очень жаль, но что поделать... Он был в шаге от счастья. Но снова что-то надломилось: Лариса мрачнела, становилась замкнутой. И должность редактора в паршивой районной газетенке ее не очень вдохновляла. А потом оживилась, узнав, что в район едет группа «специалистов» по паранормальным явлениям. Не первые и не последние – многие тут высаживались, но эти люди, имеющие отношение к КГТУ, были Ларисе знакомы. Во всяком случае, Алексей Мендель, старший группы – нескладный, добродушный, бородатый тип, числящийся аспирантом на какой-то кафедре. Ларисе и Артему Губарю – работнику той же газеты – предложили составить им компанию, оба с радостью согласились. Не сказать, что в урочище она была своей, но ходила туда с Андреем, и местные духи не возражали. Островский не мог примкнуть к компании – работал, для порядка поворчал, но отпустил свою любимую. Кто же знал, чем все закончится...

Переполох стоял на всю округу! Палаточный городок был разбит на левом берегу Белянчи, рядом урочище, потухшее кострище, разбросанные по округе тела, умерщвленные жестоким образом. Похоже, вся компания сидела вечером у костра, потом возникло НЕЧТО, и люди в панике бросились врассыпную... Работала милиция, колдовали следователи. Остров-

ский, получивший жуткую весть, примчался на моторке из заказника. Ползал, потрясенный, от тела к телу, игнорируя вопли оперативников, рыдал над своей Ларисой, скончавшейся от удара головой о камень... Три дня он прожил в прострации, не в силах справиться с горем. А опера недоуменно чесали затылки. Ни мотива преступления, ни конкретных следов злоумышленников. Следы, вернее, были, но какие-то странные, вроде и не человеческие – невнятные вмятины в земле. Да еще и тянулись в разные стороны, путались кругами и зигзагами, обрывались, словно злоумышленники намеренно затаптывали место преступления. Отсюда и пошли невероятные гипотезы – о мистических существах, о злобных монстрах, не пустивших «ученых» в свои владения. Но все оказалось проще – за Островского все решили! Опергруппа поработала ударно. На четвертый день в лесничество с воем примчалась «синеглазка», ошарашенного Андрея схватили под локти, поволокли в зарешеченный «обезьянник». Провели обыск дома на улице Кривобалочной. Мать, не унимаясь, рыдала. Из-под сарая с дровами извлекли завернутые в мешок чулки-бахилы от общевоинского защитного комплекта. Вот и объяснение странным следам. И кому интересно, что у задержанного не было такого костюма? Анализ подтвердил – остатки грязи с подошвы соответствуют составу почвы с глинистого берега, где разыгралась трагедия. Мало того, оперативники раскопали вдавленную в землю пуговицу от штормовки Островского – редкую, с характерным выпуклым рисунком. А он действительно потерял ее незадолго до трагедии – болталась на ниточке, так и не собрался пришить. А когда собрался, ее уже не было. Пришлось пришивать другую – с непохожим рисунком. Чем не улика? Куда уж более! Дело завертелось, арестанта швырнули в камеру. Он не мог поверить, что это происходит на самом деле. Ведь он никого не убивал, он любил свою Ларису! Бывает, мил человек, популярно объяснили компетентные товарищи, мол, ты просто сделал пресловутый шаг от любви к ненависти. И вывалили новую порцию косвенных улик: «Хочешь сказать, ты не знал, что у твоей Лариски случился мимолетный роман с Артемом Губарем, коллегой по работе? И не просто беглая «случка», а они неоднократно вступали в связь, имея яркий и незабываемый секс! Просто Лариса не успела сообщить, что между вами все кончено, ждала удобного момента. Разлюбила, бывает. Оттого и пошла в поход с Артемом, чтобы от тебя подальше. А ты узнал, рассвирепел, родил бездушный план. Напал на компанию, всех поубивал, заодно и «ученых», чтобы запутать следствие. У тебя же хватает сил и навыков? Не такие там бойцы, чтобы оказать тебе сопротивление. «Дохлые» аспиранты и инженеры...» Самое противное заключалось в том, что у Ларисы с Артемом действительно что-то было, но он не знал. Возможно, ей требовалось время все обдумать, принять решение. И последний убийственный факт – в тот вечер, когда состоялось побоище, у Андрея не было алиби. Обошел участок, забрался в свой домик на окраине заказника, уснул со спокойной душой...

Дело сшили за считанные дни, отправили в суд. Он ничего не подписывал, стоял на своем. Потом жутко избили: четверо ворвались ночью в «сучью будку» – одиночную камеру в СИЗО, отделали так, что он два дня подняться не мог, мочился кровью. А лишь обрел способность двигаться – добро пожаловать в суд, настроенный жестко и принципиально, без вариантов, что объявил прокурор и адвокат. Жизнь закончилась, поэтому известие о пожизненном сроке он воспринял равнодушно. За шесть убийств по головке не гладят. Десять лет назад могли и шлепнуть, а теперь – «комфортные» условия на зоне особого режима...

Девять лет прошли как во сне. «Закатали в кичеван с дерева полированного» – как гласит блатная лирика. Встретили с распростертыми ногами, стиснул зубы, терпел. Не одному ему досталось. «Эти крутые будут всмятку», – сурово пошучивали надзиратели. Людей здесь не было, только номера, статьи. Суровый распорядок, малейшее отступление – наказание. Бегать только на цыпочках, голову не поднимать. Подать апелляцию невозможно, да и адвокат куда-то пропал. О пересмотре дела можно только мечтать, и какие основания – весь белый свет, за исключением мамы, убежден в твоей виновности. Жизнь на зоне планомерно доводит до самоубийства, а совершить его нет никакой возможности. Пресекут, накостыляют, снова будешь

кровью мочиться. Он много читал, занимался спортом – насколько позволяли размеры клетушки. Обожал во время прогулки попадать под дождь – наслаждался, когда вода хлестала по лицу, возвращала ненадолго к жизни...

В начале текущего лета случились природные катаклизмы неодолимой силы. Зэкам не докладывали, но, похоже, разлились реки, впадающие в Амур. Разнесло дамбу, уровень воды поднялся выше некуда, готов был смыть зону. Приняли решение эвакуировать заключенных в другую колонию. И снова все как во сне... Вот их гонят по мосткам, злой конвой, рвутся с поводков овчарки. Два «столыпинских» вагона, прицепленных к маневровому тепловозу, душные отсеки, отделенные стальными перегородками. В каждом отсеке – пятеро. И один здесь явно не случайно, купил себе козырное местечко. Пытливые глазки махрового убийцы Жлобенья придирчиво ощупывают попутчиков. Небольшой состав несется к станции, колеса бьются о стыки рельсов. «Чо, терпила, – толкает Жлобень задремавшего Андрея, – под стук колес к тебе приходят сны, в натуре?» Тот распахивает глаза и начинает усердно им не верить. В мозолистой длани Жлобенья образуется зубило, он ползает по полу, отдирает проржавевший рифленый лист. Вскрывается отверстие, рваный люк. Здесь кто-то впопыхах, рискуя свободой, поработал автогеном. В прорехе мелькают шпалы, рельсы – состав несется с приличной скоростью... «Чо, братва, мочим копыта? – хрипит страдающий туберкулезом Жлобень. – Праздник сегодня на вашей улице – задаром такая лафа образовалась. Потом вернете должок, если свидимся. А ну, даем чаду, болезные, чтобы никого тут не осталось, я прослежу...» Зэки зачарованно пялятся в дыру – там не только свобода, но и смерть – перемелют же колеса в фарш. «Эх, жало бы сейчас замочить, – мечтает один. – Ну, так, чисто для храбрости». «Ага, в натуре, не помешало бы заложить под бороду», – вторит другой. «Жлобень, шухерно мне, порубит же... – трясется от страха трусливый зэк с погонялом Масяня. – В натуре, я лучше дальше мотать буду, зато живой...» «Рвань ты дохлая, Масяня, – брызжа слюной, ругается Жлобень, – дрефлю ты вонючее... Я сказал, чтобы никого не осталось! Мне плевать, порубит вас, не порубит. Сам порублю, если кто сдрейфит...» И все со страхом таращатся на зубило в мозолистой длани прирожденного убийцы. «Демон ты жестокий, Жлобень, – резюмирует анемичный зэк с бельмом на глазу. – Думаешь, не спрыгну? Да пусть меня раздавит, лучше подохнуть на воле, чем дальше терпеть...» Жлобень перехватывает его в полете – в натуре, не так же буквально, братва. Через пару минут состав потянется в горку, скорость снизится, по крайней мере вдвое. Если повезет, можно четко уложиться в шпальную решетку, скрючиться на дне, и никакие муфты, тормозные шланги тебя не заденут. Масяня прыгает первым, остальные за ним, а Жлобень контролирует процесс и уходит последним...

Андрея неугомонно трясло. Единственный шанс, второго не будет! Но какой шанс? Один из сотни! Поезд действительно замедлил ход, но даже тридцать километров в час – жестокий риск... Рыдающего Масяню выталкивали всей толпой. За результатом не следили – на рельсы не наматается. «Живее! – поторапливал Жлобень, – горку проходим!» – «До встречи, братва, на футбольных полях, как говорится!» – проговорил белесый зэк и свалился в дыру. Третий обошелся без комментариев, нырнул, смертельно побледнев. Андрей уже и не помнил, как оказался в шпальной решетке. Спасибо маме-математику, научила считать и выдерживать временные интервалы. Секунда – разрыв между шпалами, еще секунда – другой. Как-то повис, подогнув ноги, прижал к себе колени и на счет «два» рухнул в яму...

Поезд промчался вдаль. Андрей не поверил своим глазам – остался жив! А на воле все было печально. Дождь хлестал без остановки. До леса – как до Нью-Йорка. Он кинулся вперед по шпалам, наварлся на Жлобенья с раздавленной башкой – удачно бывалый зэк сходил в побег! Впереди поселок – не вариант. Он повернул обратно, видел, как двое в пелене дождя съезжают с насыпи – выходит, есть живые (ровно сутки сидельцы побегают, и снова в «дядин дом»)! Чуть дальше Масяня – закрутило-таки горемыку вокруг рельса. А еще дальше – переезд, шлагбаум еще не открыли, скопились машины, и у водителей развлечение – наблюдать, как беглые зэки

играют в русскую рулетку. Он заметался, покатился с насыпи, помчался к кустам. Те двое уже пропали, да и ладно, не нужна ему компания. Лесов в Сибири хватает, а лес для него – дом родной...

Он очнулся после полудня, открыл глаза, злобно посмотрел по сторонам. В землянку просачивался тусклый свет. Все спокойно. Покачал головой, изучив стрелки старенького циферблата, – для злобного лешего он слишком долго спит. Андрей выполз на поверхность, огляделся. Солнечный день был в разгаре, но птицы не пели. Затем вернулся обратно в свою берлогу. Пожевал краюху черствого хлеба, бессмысленно глядя в земляную стену, запивая ее водой из пластиковой бутылки. Насытившись, глянул в огрызок зеркала – Бармалей какой-то. Сбывается детская мечта: три дня не умываться. Настало время приводить себя в порядок. Он скинул провонявший «макинтош», забрал вещмешок и, мурлыча под нос «А чукча в чуме ждет розетку», потащился из землянки. Неподалеку протекал ручей. Он снял с себя все и несколько минут с наслаждением плескался, игнорируя холодную воду и снующих по радиусу кровопийц. Бармалей превращался в приличного человека – плечистого, немного загорелого, с развитой мускулатурой. Под правой лопаткой красовался зарубцевавшийся шрам. Завершив помывку, он вытерся полотенцем из «вафельки», отыскал в мешке опасную бритву. Щетина поддавалась неохотно, он порезался, но справился. Перевоплощение проходило успешно. Андрей извлек из мешка черные джинсы, немаркую рубашу, серую толстовку с капюшоном. В качестве заключительного аккорда вымыл кирзачи и торжественно извлек чистые носки из тонкой шерсти. Последние. Фигура в зазеркалье Андрея устроила. Бомж-лесовик превратился в спортивного, относительно молодого человека со скуластым лицом и запавшими глазами. Он помолодел на целую эпоху. Осталось причесаться, но это можно и потом. «Макинтош» он сунул в землянку – пригодится. Зловонные обноски закопал под деревом.

До шести вечера он был свободен. Андрей перевернул брезент чистой стороной и погрузился в состояние покоя. В ближайшие часы он не был занят физическим трудом – стоило предположить, что он был занят умственным. Работа мозга чередовалась периодами сна. В шесть часов он поднялся, сунул в мешок все, что счел необходимым, и покинул берлогу.

Островский двигался четко на восток. Раздвигал ветки, перебирался через залежи бурелома, держался подальше от подозрительных выпуклостей. Опасные участки он обходил стороной. Несколько раз возникало чувство, что он здесь не один, но в этом не было ничего необычного, он даже не смотрел по сторонам. Минут через двадцать Андрей вышел к Белянче и залег за поваленным деревом. Речушка журчала по перекатам, обтекала глыбы известняка, торчащие из воды, – они напоминали обглоданные пещерные сталагмиты. Между урочищем и берегом тянулась дорога, но пользовались ею редко, колея заросла бурьяном. На правом берегу все выглядело по-иному, ярче, оптимистично. Зеленел сосновый бор. Над Егорьевским заказником царил птичий гомон, высоко в небе кружили орлы. Такова уж особенность этой местности. Белянча – четкая граница. Слева – темное царство, напоенное странностями, справа – светлое, в красках и живности. Две стороны одной медали, и вовсе не факт, что слева все плохо, а справа все хорошо...

До нужного места предстояло пройти на юг, в сторону райцентра. Андрей погрузился в лес, вынырнул через несколько метров. От волнения немели колени. Он перебежал поляну, окруженную дикой жимолостью, пересек «условную» дорогу и залег за глиняным выступом. Покатый берег был как на ладони. Каменные плиты валялись в беспорядке, съезжали в воду. Сердце колотилось, дышать становилось больно. Неужели все пришли? Он посмотрел по сторонам – не привели ли хвоста? Глянул на часы – до назначенного времени оставалось четыре минуты. Можно подождать, вжиться в обстановку...

На берегу расположилась троица: женщина и двое мужчин. Они почти не изменились – во всяком случае, издали. А ведь всем уже за тридцать... Жилистый субъект с торчащими

ушами и залысиной на лбу сидел на камешке и вырезал из тальника свистульку. Он что-то напевал. Это был Борька Парамонов. Нервный, дерганный, подверженный эмоциям, обладатель страшноватой физиономии, лучащейся бездной обаяния. У плечистого типа с удочкой обаяния не было вовсе, зато Игнат Бурлаков обладал голливудской внешностью и вообще был неплохим человеком. Женщина вскарабкалась по камням, вдающимся в воду, села на корточки. Осина талия у этой особы уживалась с тяжелыми бедрами и упитанными ногами – вечный бич Галки Шиффер. Данная проблема волновала ее в школе, волновала после школы, а сейчас, похоже, перестала волновать – ввиду своей полной неразрешимости. У Галки имелись и внешность, и обаяние, но чтобы эти качества отметить, рядом с ней нужно провести не один год.

Игнат подсек леску, чертыхнулся на обглоданного червяка.

– Не понимаю, чего ты хочешь поймать? – зевнул Борька, выбрасывая недоделанную свистульку.

– Рыба-падла называется, – буркнул Игнат. – Не ловится потому что...

Галка находилась у самой воды. Сняла длинную кофту, мешковатые штаны и осталась в купальнике. Села на корточки, чтобы оценить температуру воды. Поежилась – солнышко светило по-летнему, а вот вода была прохладной.

– Отлично! – обрадовался Борька. – В нашей бане – женский день.

– Даже не надейся, Парамонов, – проворчала Галка, принимая задумчивый вид.

– Еще постой немного, – предложил Борька. – Уж лучше так, чем никак.

– Да не, уже значительно хуже, – проворчал Игнат, извлекая из консервной банки червяка. – Раньше было лучше. Поизносились то, в чем мама Галку родила.

Девушка чуть не поперхнулась, со злостью уставилась на Игната... и оступилась. Ахнула, закачалась, поняла, что не удержится, – и оттолкнулась пяткой, чтобы не разбиться о камень.

– Красиво, елы-палы... – вздохнул Борька. – Умеет же она зажечь!..

Галка вынырнула, отплевываясь и нецензурно ругаясь. Шустрыми саженками поплыла к берегу.

– Упала, – резюмировал Борька. – Падшая женщина.

– Ругайся культурнее, Галка, – посоветовал Игнат. – Твои матерки больно ранят наш слух.

– Почему я должна ругаться культурно? – возмутилась Галка, выбираясь на камень. – У нас сегодня день русской культуры?

Андрей засмеялся, сполз с обрыва и направился к «отдыхающим». Они повернулись – дружно, как по команде, – и застыли, словно в фильме ужасов, с обаятыми страхом лицами. Ступор сразил на полном серьезе – они не играли. Призрак из прошлого неумолимо вторгся в их жизнь. Мокрая Галка застыла в ступоре, глупо приоткрыв рот.

– Мама... кто это? – прошептала она.

– Бомж, – ухмыльнулся Андрей. – Джеймс Бомж. Расслабьтесь, ребята, все в порядке. Я не такой страшный, как это может показаться.

– Я так и думал, что это Островский написал записку и подбросил под дверь... – жалобно промямлил Игнат. – Ну, чтобы мы пришли сюда. А он фартовый чувачок. Вдруг жена прочла бы первой и побежала бы в полицию?.. Или еще куда... Куда обычно бегают жены, когда их мужа получают записки от неизвестных?

– Начертанные твердым мужским почерком, – ухмыльнулся Борька. – Он прав: нас всех сразила одна и та же беспощадная мысль. К сожалению, нам не с чем было сравнить этот почерк, все улики канули в Лету вместе со школьными годами, дневниками и дурацкими записками... А сходить к твоей маме, попросить твое письмо и провести почерковедческую экспертизу мы постеснялись.

– У тебя есть жена? – спросил Андрей у Игната.

– Да, у Игната в жизни было две женщины, – восторженно воскликнул Борька. – Жена до свадьбы, и она же – после. Две разные женщины. Но зовут их одинаково – Римма Казакова. Она учи-

лась в «Б» и уже с третьего класса стала мечтать, как бы затащить Игната под венец. Мечты сбываются...

– Но уже не надо, – сглотнула Галка и поморщилась: – Ой, мамочки... Андрюша, ты прости, мы такие пришибленные от неожиданности... Можно, я тебя обниму? Ничего, что я такая мокрая и неодетая?

Девушка обняла его, и защемило сердце, комок подался к горлу. Расслабились остальные, тоже полезли обниматься. Сразу поднялось настроение, прошла неуверенность. Старые друзья улыбались сначала с опаской, потом разошлись, расцвели...

– Определимся сразу, – проворчал Андрей, смахивая с глаза слезинку. – Я не блатной, не отмороженный, опасности для общества не представляю. Ну, посидел, вернулся, не на кол же посадили... Не убивал я людей из группы Менделя, поскольку в тот вечер находился в другом месте. Ментам подбросили улики, и они с радостью меня закрыли, чтобы долго не возиться. Не виновен я, понимаете? – он строго уставился на друзей. – Я понятия не имел, что Лариска изменяет мне с Артемом. А если бы и имел – это повод зверски убить шестерых? Я хочу разобраться, кто и зачем это сделал, прежде чем меня поймают и запихнут обратно.

– Черт, а ведь он действительно не убивал! – шумно выдохнул Игнат, полный уверенности.

– Между прочим, люди, у которых что-то здесь есть, – постучал по «котелку» Борька, – и к которым я отношу себя, всегда испытывали сомнения, что Андрюха убийца. Не в его это правилах. Твердой уверенности, конечно, не было... Можно вопрос, приятель? Тебя приговорили к отбытию пожизненного срока. Мы все это помним. Но вот же странно: ты стоишь перед нами, не в тюремной робе, без конвоя, и что-то нам подсказывает, что это не сон...

– Сбежал, – объяснил Андрей. – Три месяца скитался по Сибири, заметал следы. Сегодня двенадцатый день, как я брожу вокруг Выжинска и приглядываюсь к обстановке. С людьми не контакту, даже мать не в курсе. Вы первые, к кому я обратился. Надеюсь, никому не говорили?

– Мы не больные... – проговорил Игнат.

– А то придут прогрессивно настроенные граждане с вилами и факелами... – смущенно добавил Борька. – Извиняй, приятель, но о тебе тут вспоминают неохотно и без любви. К присутствующим это, конечно, не относится.

– Уточни, пожалуйста, – сказала Галка. – Ты сбежал из особо охраняемой зоны, где отбывают пожизненные сроки...

– Мы говорим не «сроки», а «срока»... – задумчиво пропел Борька.

– ...законченные злодеи и рецидивисты, – закончила Галка. – Все правильно, мы ничего не напутали?

– Да, – усмехнулся Андрей.

– Сильно, – заключил Игнат. – Но, в общем, на тебя похоже. То есть ты тут, типа, на лимане?

– Точно, прячусь от мусоров, – усмехнулся Андрей. – И собрал я вас здесь не случайно. Может, уйдем с открытого места?

Они сидели под обрывом, сбившись в кучку, опасливо поглядывали на дальний берег, залитый лучами заходящего солнца. Природа погружалась в предзакатную тишину. Только вода, спешащая на север, монотонно журчала, омывая каменный мыс перед излучиной.

– Пожрать не догадались принести? – поинтересовался Андрей.

– Вот только не надо нас обвинять в невнимании к твоей персоне, – смутилась Галка. – Нет, не догадались.

– За всех не говори, – возразил Игнат. – Я взял кое-что. Там, в сумке, – кивнул он. – Потом пожрешь.

– Я тоже колбасу принес, – вспомнил Борька. – Правда, паршивую, из жидкого картона, но люди едят, никто не умер. Слушай, Андрюха, – Борька замялся, – тут у нас горо-

док шумит... Вчера при странных обстоятельствах поймали душегубов-педофилов – они уже месяц Выжинск в страхе держали... Некто Бурмистров с женой, которая на деле оказалась родной сестрицей... Заместитель Дорохова Василия Мироновича по вредителям полей и огородов... ну, в смысле, по аграрному сектору...

– Его, как выяснилось, уволили из администрации еще позавчера, – усмехнулся Игнат, – задним числом.

– Тю?! – изумилась Галка. – А как они узнали, что завтра он окажется маньяком? Во дают, молодцы. А вообще, потрясающая история. Оказывается, наши чиновники не только воруют.

– Кто-то избил этих гадов и поднес ментам на блюдечке – им даже делать ничего не пришлось, – продолжал Борька, – только раскрутить и отчитаться. Чем они и занимаются, и, похоже, за господами тянется шлейф. Их будут этапировать под Красноярск, где четыре года назад случилось что-то подобное, преступников не нашли, а Бурмистров трудился главой комиссии по аграрной политике в местной администрации. То есть наш Бэтмен пожелал остаться неизвестным...

– Моя работа, – признался Андрей. – Случайно повезло. Машина, идущая ночью по проселку, показалась подозрительной. Он закапывал в лесу труп ребенка – я же не слепой... Что-то почувствовал, поволок свой сверток дальше, потом вернулся к машине, загрузил тело, повез в соседний лес. Но он ехал по ухабам медленнее, чем я бежал. Я отследил его до дома в Вешняках, стал наблюдать...

– Он поет, как соловей, – усмехнулся Игнат. – Менты пригрозили, что не будут его лечить, вот он и старается – очень следит за своей внешностью. Показал, где спрятал тела, – их уже откопали. Родители безутешны. У мамы Анжелы Пустовой случился сердечный приступ, ее отец бросился на Бурмистрова с лопатой, менты едва успели оттащить...

– Расскажите, что творилось в городе в мое отсутствие, – вздохнул Андрей.

– Твоя история давно забылась, – сказала Галка. – Родители Лариски погибли под занавес той тревожной години. Случился пожар в доме, загорелась проводка. Они спрятались в чулане, а когда пожарные до них добрались, уже задохнулись в дыму... Ульяна Зотова, за которую ты замуж собирался, да не собрался, стала сущей злыдней. Гадкая стерва, никого не любит. Работает в полиции... Там ей самое место. С этой особой лучше не пересекаться, такая змея! Пройдешь мимо – злится, мол, чего не здороваешься? Скажешь «здравствуй» – она такого дерьма на тебя вывалит. Помнишь Ромку Польского из нашего класса? «Безответный фраер», как у вас говорят, абсолютно безвредный. На наркоте подсел – чуть маму родную за дозу не продал. Шутил в моменты просветления: мол, что наша жизнь – игла... Так твоя Ульянка припомнила, как он однажды в школе ее подколол, повесила на него кражу в универмаге, куда он и близко не подходил, сочинила доказательства, все дела. Развлеклась, в общем, отвела душу. С зоны Ромка не вернулся – под экскаватор попал...

Андрей скрипнул зубами. Озлобленность меняет людей, превращает из покорных кошечек в мегер...

– А в остальном нормально, – сказал Борька. – Капитализм загнивает, но мы это не чувствуем. Крутимся, как можем. В центре Выжинска вроде чище стало, дома новые лепят. Отгрохали поселок для богатых в Вешняках. Должностные лица процветают и воруют – как везде. Сотовая связь работает, Интернет провели, парочку улиц заасфальтировали. В Егорьевском заповеднике, – кивнул Борька на лес через реку, – давно повывели приличных работников, одни шестерки остались. Приглашают «полезных» людей, организуют им охоту в комфортных условиях – не все зверье там еще вымерло. Недавно принимали целого заместителя краевого губернатора: косуль подогнали под прицел, шашлычок под коньячок, девочек. Попутно выпрашивали бабла для района – ну, то есть для себя... – Борька криво усмехнулся. – В районном руководстве, возможно, не все такие психопаты, как Бурмистров, но жуки знатные, выгоду не

упустят. Нынче Дорохов за главного, он девять лет назад работал директором прииска «Савельевское», совмещал с депутатством в райсовете. А теперь вон вырос...

– Я слышал, снова в Егорьевском гостей принимают, – опасливо покосился на заповедник Игнат. – Не чиновники, не менты, а самые настоящие представители криминального мира. Венька Шлюзов шепнул – он участковым на «Гвоздярне» работает. Дескать, приезжают двое со свитой – поохотиться, отдохнуть, о делах своих скорбных покалякать. Один – из местных воров в законе, другой – с Урала. Вроде проблемы у них: китайская мафия с наглыми славянскими мордами захватывает города и веси...

– Разные слухи гуляют, – отмахнулся Борис. – Косточки перемывают всем подряд, врут, как на трибуне. Обычное дело: в большом городе можно много увидеть, а в маленьком – больше услышать...

– Да и шут с ними, – поморщился Андрей. – Сами-то как?

– Холост, беден, глуп – живу своим умом, – остроумно отчитался Борька. – Я тут типа секс-символа, все меня имеют. Пытался бизнесом заняться, даже «газельку» подкупил – прогорел. Шоферил в администрации, так снова незадача: аккумулятор коротнул, провода оплавилась, шмальнуло так, что господин Березкин, тутошний народный избранник, еле выпрыгнуть успел, а потом за мной по оврагам с дрыном гонялся...

– А его помощник это дело на сотовый заснял, – хихикнула Галка. – Весь поселок потом пластом лежал. Теперь он сторож в универмаге, жалеет страшно. Спустило колесо фортуны. Мечтает найти полную инкассаторскую сумку.

– А мне вот почему-то не смешно, – обиделся Борька. – Ты тоже, Галка, не процветаешь же?

– Почему? Я довольна жизнью, – насупилась Галка. – Считаю, что Выжинск ничем не уступает Акапулько... Один раз в год, когда сады цветут. Центр мироздания, скоро станет самым комфортным местом для проживания. У меня есть дом, отличная работа в бухгалтерской конторе – за восемнадцать тыщ целковых. Имеется молодой человек, справивший на днях свой 49-летний юбилей. Мы собираемся воссоединить наши дома. Он приехал в наш район полтора года назад, работает в уголовном розыске...

– Где? – поперхнулся Андрей.

– А я что, машинально перешла на португальский? – удивилась Галка. – И не надо в панике озираться, сегодня засады не будет. Он работает допоздна, особенно в свете вчерашних событий, и вообще он хороший человек. Да и я не последняя курва. В общем, все у меня хорошо...

– И мама у тебя Клавдия Шиффер, – подколот Борька.

Друзья рассмеялись. Хохма была изъезжена вдоль и поперек. Клавдия Генриховна Шиффер была дочерью немецкого переселенца из Энгельса, при бракосочетании наотрез отказалась менять фамилию (и дочь ее не стала Тишкиной) и до выхода на пенсию в семьдесят лет работала директором школы, где математику преподавала Тамара Александровна Островская. Женщина была порядочная, оттого Тамара Александровна и не подверглась гонениям, когда ее сыну вlepили «подколотную вест».

– Я тоже не жалею, – проворчал Игнат. – Командую бригадой слесарей в жилищной конторе, получаю нормально, приличное жилье в двухквартирном доме. Опять же, жена, уйма свободного времени. С детьми вот только туго: боится Римма рожать. Пунктик у нее, даже не знаем, что делать...

– Усыновите парочку вьетнамских детишек, – посоветовал Борька, – или якутских, без разницы. Поделишься планами? – Борька пытливо уставился на Андрея, и было видно, что он волнуется. – Мы много говорим, Андрей, отлично проводим время, а о деле пока – ни слова.

– А он сам не знает, чего хочет, – фыркнула Галка. – Но намерен добиваться этого всеми средствами.

– Мы верим, что ты не убивал, – понизил голос Игнат и тоже побледнел. – Но давай начистоту, Андрюха. Во-первых, правда о том, что случилось с группой Менделя, – тайна почище рецепта кока-колы. Во-вторых, прошло девять лет, дело поросло быльем. В-третьих, как ты намерен ворошить эту мусорку, если даже не можешь выйти из леса?

– Я многого не знаю в этой жизни, – проворчал Андрей, опуская глаза, – но знаю точно, что никого не убивал. Не будет у меня другой жизни, понимаете? Поэтому не хочу провести эту жизнь в тюрьме по сфабрикованному обвинению. Надеюсь, вы поможете. Для начала нужно узнать следующее: меня подставили менты или кто-то другой, а менты просто доверчиво воспользовались подброшенными уликами?

– Ну, хорошо, я могу подговорить своего молодого человека... – задумалась Галка. – Хотя он не знает о том деле, поскольку человек в поселке новый. Остальные тоже могут спрашивать знакомых – не все менты в этом городе стали сволочами. Но зыбко это, Андрей. О группе Менделя уже никто не помнит. Ты в курсе, что после убийства резко схлынул поток желающих изучить Катумское урочище? Сейчас сюда практически не приезжают...

– Вы знаете, где мы находимся? – перебил Андрей.

Друзья недоуменно переглянулись.

– Ты уже забыл? – начала язвить Галка.

– Мы находимся в том месте, где девять лет назад погибла группа Менделя, – мрачно объявил Андрей, и настала тишина. Товарищи насупились, зябко поводя плечами. – Охотно верю, что вы ни разу здесь не были, поэтому это место не вызывает у вас неприятных ассоциаций. Здесь возились только оперативники... Ориентир – залив у Красной сопки, – он кивнул на скалу на правом берегу, испещренную вкраплениями темно-красной породы. – Этот объект я и указал в записке, спутать невозможно. Пойдемте, – он первым вскарабкался на обрыв, – и не удивляйтесь моим познаниям. По ходу следствия опера намертво вбили в меня весь расклад. Дважды сюда привозили, надеялись, что на месте я дам признательные показания и расскажу, как убивал.

Товарищи выбрались вслед за ним и стали настороженно озираться. В меркнувшем свете антураж обретал зловещие очертания. Тускнели краски, в воздухе мерцала белесая дымка. Местечко производило неприятное впечатление: под ногами обрыв, глина кое-где сползала вместе с дерном. Речка за камнями и плитами – глубина в этом месте порядочная, вброд не перейти, еще и омут закручивался в стороне от стремнины. Если повернуться – пересеченная травчатая поляна с буграми и вмятинами. Трава по щиколотку – сорняковый молочай, острые листья мятлика, прореженные злаковыми стебельками. Груды булыжников слева и справа. Метрах в двадцати от обрыва, за дорогой, заросшей чертополохом, – гуща леса, опушка Катумского урочища. Вторгнуться в лес на этом участке проблематично. Приземистые, будто придавленные гнетом, осины распростили в ширину корявые ветки. Подлесок высился непроницаемой стеной. Груды бурелома словно нарочно сюда свалили, чтобы отравить жизнь тем, кто хочет войти в лес.

– Следствие считало, что убийство произошло поздно вечером 21 июля, после двадцати двух ноль-ноль, – мрачно заявил Андрей. – Похоже, так и было, трупы обнаружили через сутки. Четверо приезжих и двое местных вышли из Выжинска после обеда. Дойти до урочища с приборами и амуницией, со всеми перекурами и «фотосессиями» – дело полутора часов. Возможно, вошли в урочище, но что-то не понравилось. Решили зайти с другого конца. Вышли, повернули на восток, добрались до этой самой дороги – и отправились на север, вниз по течению Белянчи. Устали, стемнело, разбили лагерь там, где мы сейчас стоим. Утром намеревались отправиться дальше – не входить же в урочище на этом участке, это нереально. И девять лет назад здесь было так же... Пока заготавливали дрова, ставили палатки, помылись – прошло еще время. Развели костер на этом месте, – Андрей поставил ногу на выемку в центре поляны. Трава здесь росла клочками и не очень высоко. – Установили рогатины, что-то жарили. Пола-

гаю, банальную курятину. Собрались все вместе – здесь еще пара бревен была, на них сидели – ели, оживленно общались... – Он задрожал, закрыл глаза. – Было тихо, тепло, небо звездное... И вдруг что-то случилось...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.